

РОДИОН
БЕЛЕЦКИЙ

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

ГОРОДСКОЙ РОМАН

— НЕ МЫ ПЕРВЫЕ ЕГО УКРАЛИ!
— ЭТО, КОНЕЧНО, МЕНЯЕТ ДЕЛО.

Родион Андреевич Белецкий

Чужой ребенок

Серия «Классное чтение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69931561

Чужой ребенок: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной;

Москва; 2024

ISBN 978-5-17-157533-5

Аннотация

Родион Белецкий – драматург, прозаик, сценарист (сериалы «Восьмидесятые», «Проект “Анна Николаевна”», «Трудные подростки», «Час Волкова» и другие). Его пьесы идут во всех крупных городах России.

«Чужой ребёнок» – городской роман, стремительный как остросюжетный фильм. В главных ролях – пара молодых мошенников, случайно украденный младенец с глазами разного цвета и непутевая помощница олигарха Юля. Герои второго плана – сам олигарх, тайно помогающий детям, боевая бабушка Таня, влюбленный педиатр и много других персонажей, живых и настоящих. Действие ускоряется с каждой главой и ни один персонаж не останется прежним.

Содержание

Первая глава	7
Вторая глава	45
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Родион Белецкий

Чужой ребенок

© Белецкий Р.А

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

РОДИОН
БЕЛЕЦКИЙ

ЧУЖОЙ
РЕБЕНОК

ГОРОДСКОЙ РОМАН

Издательство
АСТ
Москва

Первая глава

И был большой город. И жила в нем пара, которая промышляла тем, что вырывала сумки из рук прохожих. То есть совершала открытое хищение чужого имущества – иными словами, грабеж. 161-я статья Уголовного кодекса Российской Федерации.

И звали молодых людей Ирина и Михаил. Были они поджарыми, одного роста и вечно голодными. До секса тоже.

Хоть воровство вошло у них в привычку, волнение перед очередным делом их не оставляло. Они подолгу сидели в машине и собирались с духом.

– Как я выгляжу? – спросила Ира, наблюдая за прохожими через лобовое стекло.

– Ты будешь в маске, – ответил Миша, не глядя на нее.

– И что мне теперь, как уродке, бегать, да?

Миша повернулся и посмотрел на Иру внимательным образом.

– Ты – богиня! – сказал он.

– Если крепко держать будет, сразу отпускай, – сказала Ира. За пять минут до преступления она не верила комплиментам.

– Нет, я, блин, встану и буду сумку из рук выдергивать!

– Ты так делал.

– Не делал я так ни разу, – сказал Миша.

Он знал, что Ира была права. Совсем недавно, на проспекте Мира он вцепился в поддельную сумку «Гуччи», дернул и потащил на себя хозяйку, квадратную женщину за пятьдесят, которая сражалась за сумку, словно там лежал приказ о ее помиловании.

Так они и стояли на фоне мечети и тянули сумку в разные стороны, пока Миша не сообразил и не отпустил порядком растянутые дерматиновые ручки.

– И не надо ко мне близко бежать, – сказал Миша. – Так сразу видно, что мы вместе.

– Боишься, что меня примут? – спросила Ира.

– Да кому ты нужна.

– Подонок, – сказала Ира и притянула Мишу к себе.

Целовался Миша лучше всех в Москве. А может быть, и в России. Ира была в этом точно уверена. У нее был опыт.

– Осторожно. Помада, – сказала Ира, и они поцеловались еще раз.

– И чего? Ты же в маске будешь, – сказал Миша, расстегивая ширинку.

Ира сделала круглые глаза.

– Застегни обратно! – приказала она.

Обычно ее приказов Миша не слушался.

– Ир, давай, а? – он потянул к ней свои ручки.

Прохожие за окнами его не смущали. Ее, впрочем, тоже.

– Мы на работе, – сказала Ира строго.

– Мы быстро.

– Нам за квартиру платить! – она знала его слабые места.

Впрочем, ничего оригинального: чувство вины, синдром мужика, «слабó» и еще две-три болевых точки. И чувство ответственности, кстати. Несмотря на судимость.

Миша глубоко вздохнул, застегнул молнию на брюках и насупился:

– Короче, ты мне нужна просто для страховки. На рожон не лезешь. Сбоку всегда. Что бы ни случилось, сам разберусь.

– Может, я тебе вообще не нужна?

– Ир, я тебя прошу, не лезь в бутылку. Послушай. Я сумку дергаю – и по Петровке. Просто будь рядом.

Миша полез в карман за пачкой сигарет. Ира подождала, пока Миша открыл пачку, после нескольких попыток сорвав с нее целлофановую рубашку.

– Не кури. Тебе бегать, – сказала она.

Миша сделал гримасу, убрал пачку. Посидели еще.

– Ладно, выходим, – сказал Миша.

Пошли против людского потока. Старый «жигуль» остался у них за спиной. На номер Миша жвачкой налепил бумажку от сигарет.

Шли плечом к плечу, обходя прохожих. Ира вытащила белую медицинскую маску, но надевать ее не торопилась. Миша это заметил.

– Надевай, – сказал Миша. – Скажи спасибо, что не такая, как зимой мы носили.

– Ненавижу эти гондоны, – Иру аж передернуло.

– Балаклавы они назывались.

– Знаю, – сказала Ира и добавила: – Пожалуйста, дергай лучше у баб.

– Ага, – Миша нервно зевнул. – Помнишь, как та тетка? За собой ее тащил километр!

– Я помню, как тебе мужик зуб выбил, – сказала Ира.

– Ладно, проехали.

Миша остановился. Остановилась вслед за ним и Ира.

– Вон та, – Миша кивнул.

– Где?

Пришлось показать рукой:

– Вон.

Далеко впереди стояла женщина в джинсах, с сумкой в руке. Держала сумку за ручки. Прямо на их глазах женщина поменяла позу.

– Теперь двумя руками держит, – сказала Ира.

– Не слепой, вижу, – сказал Миша. – Сейчас отпустит.

– Кого отпустит?

– Руку вторую отпустит, – говоря, Миша разминал ноги.

Бывший спортсмен без разминки не бегал.

И действительно, женщина поменяла руку. Она разглядывала витрину, в которой выставлена была пара туфель из кожи мамонтенка Димы.

– Всё, – сказал Миша. Это был сигнал.

– С богом, – сказала атеистка Ира и натянула маску. – Я рядом.

– Не лезь, главное!

И Миша побежал. Уверенно, красиво, быстро, хоть сейчас в сборную. На бегу склонил корпус вправо и резким движением вырвал сумку у женщины в джинсах. Та взмахнула крашеной челкой, и раздался мощный, тренированный вой:

– А-а-а! Укралі!!! А-а-а! Держи! Украл! Сумку украл!!

Теткин крик перекрыл все уличные шумы. Люди стали поворачивать головы, но Миша под визг тормозов уже перебежал Петровку. Он поймал дыхание, прибавил скорость, резво свернул в Столешников переулок, потом через Дмитровку в Камергерский. А там он знал одну незаметную арку.

* * *

Я никак не могла найти себе работу. Сидела на очередном собеседовании и читала вслух только что написанное мной тестовое задание. По мере моего чтения у заказчицы округ-

лялись глаза. Хотя, к слову сказать, они и так у нее были навывкате.

– «Если человек ни разу в жизни не принимал решения, – Юля читает с выражением, будь как Юля! – Если он до сих пор живет с мамой, если он продолжает перекладывать ответственность на всех, кроме себя, и чистит зубы пальцем, если ему в принципе некуда пойти и тем более не в чем – мы готовы принять его на наших курсах...»

– Подождите, подождите, – заказчица не выдержала и перебила меня, подавшись вперед. – Это вы написали в качестве..?

– Да, – сказала я, – это реклама ваших Курсов Европейского Успеха. Тестовое задание.

Заказчица сложила губы в куриную попку:

– Понятно, – прошипела она. – Юлия, мы вам перезвоним.

Надо ли говорить, что звонка от нее я могла ждать до второго пришествия. Почему меня не хотят брать в дружные, сплоченные коллективы? С дисциплиной у меня всё нормально. Внешность – терпимая. Три с двумя плюсами. Характер только плохой. Не такой, как у отца, но тоже плохой.

В этот день у меня было еще одно собеседование. Менеджер с толстой шеей сказал:

– Расскажите о себе.

– Закончила МГУ, – говорю, – факультет журналистики.

На последнем курсе мне пришлось...

Но продолжить он мне не дал:

– График работы у нас ненормированный.

Я на него посмотрела, как на врага народа, и спрашиваю:

– Мне дальше рассказывать?

– Да, – говорит, – конечно, прошу вас.

Сбил с мысли, но я продолжила:

– На последнем курсе устроилась в рекламную фирму...

И опять он меня перебивает. Встречает такой на позитиве:

– И в целом мы даже приветствуем, когда люди начинают жить интересами фирмы.

– Это в смысле? – спрашиваю.

– Когда готовим проект, для нас обычное дело, если сотрудники задерживаются. Не ради денег – ради общей цели!

Тут я начинаю всё понимать:

– А вы деньги вообще платите?

А он мне такой:

– Юлия, вы из тех, кого прежде всего интересуют деньги?

– Интересуют, да.

Мой ответ менеджеру не понравился.

– Первый месяц испытательный. Мы смотрим на вас, вы – на нас. Оплата не производится.

Ну, я встала и ушла. Не помню, дверью хлопнула или нет. Хотя надо было, по-хорошему. Ушла, короче, с максимально высоко поднятой головой.

Мне нравилась старая работа. Но главный не понимал, почему меня постоянно нет на месте. Пыталась ему объяснить, что мне отец мозг выносит, говорила, что я в няньку давно превратилась. А он мне такой:

– Найми ему сиделку.

– Не хочет он сиделку, – говорю.

Главный аж поперхнулся и говорит:

– Даже я хочу сиделку! Все хотят сиделку! Выйди на улицу и спроси любого! Каждый хочет сиделку!

– Это каждый, – говорю. – А он уперся.

– Я не знаю тогда, что делать, – сказал главный. – Ты дурная, конечно, но меня всё устраивает, если ты нормально работаешь.

В спину мне дышала жирная Настя. Она и заняла мое место.

Надо было собраться с силами и поговорить с отцом. Но в этот раз я не смогла. Вернулась домой, только дверь открыла, а он уже голосит: «Юля! Юля! Юленька!!!» И всё это голосом умирающего праведника. Перед ним стоял обед, который я приготовила, встав в шесть утра.

– Что, пап? – спрашиваю.

А он тычет в тарелку пальцем и верещит:

– Это мясо?!

– Не кричи, пап.

А он еще громче:

– Ты же знаешь, что я не ем мяса!!!

Я его чуть не прибила:

– Это – тунец, – говорю.

– Это точно тунец?

– Да, это тунец. Мясо тунца.

– Значит, это мясо?! Я не ем мяса, ты же знаешь!!! – Руки ко мне протянул, как герой из греческой трагедии.

А я ему:

– Это рыба, папа!

Но царя Эдипа было уже не остановить.

Я сама была как рыба тунец. Меня поймали, бросили на палубу, и я, выгибаясь всем телом, выпучив глаза, хлопала ртом, а сказать толком ничего не могла. И я задыхалась. «Принеси мне судно», – орал мой папенька.

И я несла.

* * *

В тишине открылась и хлопнула дверь, притянутая ржавой, но мощной пружиной. Миша с сумкой в руке проскользнул в темный подъезд.

– Котик, ты здесь? – спросил он негромко.

Ира вышла из темноты:

– Перестань называть меня котиком!

В подъезде откликнулось эхо. Оба заметили это и оба,

не сговариваясь, стали говорить тише.

– Это было бомбически! – объявил Миша. – Ты видела, как я рванул? Ты видела?! Просто в точку ушел!

– Я подвернула ногу, – сказала Ира.

Миша убрал улыбку с лица:

– Когда ты успела?

– За тобой бежала, под ноги не смотрела. На тебя смотрела. И подвернула, прямо под себя. Больно.

Миша нагнулся:

– Покажи.

Ира отступила назад:

– Лучше сумку мне покажи.

– Давай отойдем, – сказал Миша.

Они поднялись на площадку между первым и вторым этажом. Ира преодолела ступеньки, не хромя. Миша поставил сумку на подоконник и расстегнул молнию.

– Ноутбук!!! – вскрикнули они одновременно, несмотря на конспирацию.

«Бук, бук, бук», – сказала эхо.

– Жизнь продолжается! – сказал Миша.

– Я заказала кофточку, забыла тебе сказать, – Ира очаровательно пожала плечами.

Миша нахмурился:

– Мы за квартиру еще не заплатили.

– На всё хватит, – сказала Ира. – Что там еще?

Переложив аккуратно ноутбук на подоконник, они начали потрошить сумку.

– Не пойму... – сказал Миша. – Игрушки. Соска, смотри.

Желтая резиновая белочка для купания пискнула у Миши в руке.

– Кошелек нет? – строго спросила Ира.

Сдвинув игрушки в сторону, Миша порылся в сумке основательно.

– Нет, – ответил он, поднимая голову.

– Блин, – Ира расстроилась. – Ничего больше брать не будем. Сумка дишманская.

– А игрушки? Они новые.

– У тебя есть дети?

– Нет, – сказал Миша, подумав.

– И у меня нет, – сказала Ира. – Кроме тебя.

* * *

Я ощущала себя подушкой. Большой, со складками, потрепанными углами. Меня сминали, встряхивали, взбивали сильными ударами, прежде чем положить себе под голову. Повернуться, уткнуться в меня слюнявым лицом – вот тут я была кстати. А ночь прошла – запулили подушку в угол и забыли. Не нужна, чего о ней думать? Пусть валяется до следующей надобности.

Всё изменилось, когда я вернулась домой, не дойдя до метро. Забыла телефон. Вошла вся в своих мыслях. В основном мысли были о том, насколько я ничтожная личность. Осторожно прикрыла дверь, чтобы отец не разорался, и, забрав телефон с подставки для обуви, заглянула в комнату. Просто проверить больного. Заглянула и окаменела.

Мой папа, который третий год не вставал с кровати, инвалид моего сердца, стоял на своих двоих перед включенным телевизором и, переминаясь с ноги на ногу, ел зефир.

Сначала я не могла поверить своим глазам. Говорят, чудеса случаются не только в кино, но чтобы у меня в гостиной!

Отче мой тем временем спокойно подошел к столу, взял две зефирины из раскрытой пачки, одну надкусил и вразвалочку вернулся к телевизионному ящику.

– Папа... – сказала я тихо.

Он обернулся, испугался и тут же закачался, словно собирался упасть. Но не упал.

– Ты что, ты... ходишь?! – спросила я.

– Это я... случайно, – сказал мне папа. – Сейчас...

И он на моих глазах, словно я ничего не вижу, поковылял к кровати и рухнул на нее с театральным стоном.

На экране телевизора тем временем весело плясала зебра в клеточку.

– Нет... Я не хожу, Юлечка, – сказал он мне после того, как лег.

Но я хоть и была в глубоком шоке, способности сообра-

жать не утратила.

– Ты, – говорю, – ходишь, и не просто ходишь! А без стыда и совести!

– Разве? Я случайно!

И тут меня прорвало. Я прямо заорала:

– Перестань морочить мне голову! Ты притворялся?! Ты всё это время притворялся?!

Я так громко это выкрикнула, что у меня у самой зазвенело в ушах, а в глазах пронеслись многочисленные ночные горшки, скандалы на пустом месте, как я тысячи раз отпрашивалась с работы и ползала возле кровати, собирая тряпкой разлитый суп.

– Нет, Юлечка, я не притворялся! – упорствовал папочка.

– Всё! – сказала я. – Нанимаю тебе сиделку.

Папа закатил глаза. Артист погорелого театра!

– Юлия, мне плохо. Кружится голова. Принеси коробку.

Так он называл аптечку.

– Да фиг тебе! – вырвалось у меня.

Оно и правда вырвалось. Но на самом деле прозвучать должно было следующим образом: «ДА ФИГ ТЕБЕ!!!»

И даже, знаете, еще грубее. И я сказала грубее.

Папочка заверещал:

– Доча, ты ругаешься?

Но через горькую обиду я уже чувствовала свою власть и всемогущество:

– Ругаюсь? Нет! Это я еще только начала. Это я только разминаюсь, ясно?! И только слово мне поперек скажи!

Он пытался, конечно, оправдаться, что-то лепетал, но я сказала ему, что он симулянт и врун!

А он:

– Юля, я запутался.

И вот это «запутался» опять вывело меня из себя:

– Хочешь я тебе, папа, судно принесу?! Я сейчас принесу!

Пошла, вернулась с металлической уткой в руке, которую я после него мыла бесчисленное количество раз. А он не на шутку испугался:

– Положи судно.

– Не. Оно меня успокаивает.

Папочка с прытью начал ползти по кровати к стене:

– Не маши им передо мной!

– Уже не нужно судно, да?

Тут папа даже взвизгнул:

– Положи судно немедленно!

Ну положила я судно. На тумбочку. Прямо перед его носом грохнула.

– Пропала нужда, я смотрю! Три года! Три! Как рабыня Изаура! Как у тебя совести-то хватило притворяться?! Так вот куда халва по ночам пропадала!

Папочка пытался оправдываться:

– Тот обморок год назад был правдой.

Железное судно снова оказалось в моей руке. Подумала, двину ему от души, по-родственному. Суд меня оправдает. Удержалась только потому, что отец заорал на весь дом:

– Положи немедленно судно! Люди! Помогите! Меня сейчас будут убивать! Спасите!!!

В итоге я его не убила. Хотя желание было сильное. Но я гуманист. Сдержала себя. Провела над собой стремительную мощную работу.

Сели за стол переговоров. Разделили обязанности. Чудесно исцеленный даже согласился сам себя мыть. А я получила свободу. Отмена крепостного права и всё такое.

Своими руками вышвырнула судно на помойку. Потом тщательно пересмотрела свой скудный гардероб. Кое-что еще можно было надеть. Я была готова к новому собеседованию. В самом широком смысле этого слова.

Жизнь словно открылась передо мной, как тяжелые ворота старого замка.

Дурацкий образ. Но смысл, надеюсь, понятен.

* * *

Воры-грабители отдыхали, лежа на кровати. Миша полежал, заложив руки за голову, немного подумал о том, какой он ловкий и какой он молодец, и потянулся к Ире. Заскрипела кровать.

– Не трогай меня! – сказала Ира строго.

– Хорошо-хорошо, – Миша вернулся в прежнюю позицию.

Ира подняла и показала Мише голую ногу.

– Видишь, как опухла?

Тот снова потянул к ней руки:

– Все равно нога красивая.

– Я знаю, – Ира убрала ногу. – Не сворачивай с темы. Нельзя было больше попросить?

– Ты же знаешь Пранкера. Ноут, говорит, юзанный.

– А ты что ему сказал?

– Я говорю, нормальный, не старый, сам посмотри.

– Ничего ты такого не сказал. Не трогай мою ногу! Взял копейки и ушел.

Миша поджал губы. Он и сам понимал, что сдал компьютер задешево.

– Да еще надергаем.

– Как я надергаю? – спросила Ира. – Как? Еле хожу.

– Я сам пойду.

Ира замотала головой:

– Одного не отпущу!

– Будешь за мной на такси ездить?

– Как-нибудь найду способ, – сказала Ира. – Буду осуществлять общий контроль, ясно?

– Конечно, – ответил Миша и полез к ней с упорством бывшего спортсмена.

– У меня нога, – сказала Ира.

– Я знаю, – ответил Миша.

Заскрипела, застонала кровать.

* * *

Чтобы попасть на следующее собеседование, мне нужно было пройти собеседование и только после этого получить драгоценный адрес. И, как ни странно, эту наводку дал мне отец. Действительно, не знаешь, где найдешь.

Я пришла в дом напротив Красной площади. Входя, оглянулась на зубчатые стены и успела удивиться, как они могли хоть от чего-то защитить?

Поздоровалась с охранником. Кажется, от этого он стал еще злее:

– Документы.

– Я на собеседование.

– Ваши документы!

Разглядывая мой паспорт, охранник приказал:

– Бахилы надевайте.

Я послушно надела бахилы. Предчувствие было нехорошим.

– Третий этаж, по лестнице, – сказал охранник.

Я пошла. Белая мраморная лестница, как в Большом театре.

Лифт не предложили. Спасибо, что бахилы не заставили покупать. Единственный плюс – из окон было видно Кремль. Чем выше поднималась, тем лучше становился виден.

Тайный кастинг в логове олигарха Филимонова. Только для своих. Мне уже хотелось сбежать. Однако я заставила себя добраться до нужного этажа.

В коридоре сидели, как бы это сказать, девушки. Повернулись все разом. Как динозавры в фильме «Парк Юрского периода». Думала, на конкурс красоты попала. Все на каблуках, в мини. Тощие. А меня словно кофе им приносить наняли. Каблуков нет, эпиляции тоже. Я, похоже, в пролете.

– Кто последний? – спрашиваю.

Думаете, мне кто-нибудь ответил? Тишина на Ваганьковском кладбище. Еще и отвернулись, золушки гребаные, словно по команде. Села на стул с краю. Все уткнулись в огромные смартфоны. Ну, и я тоже.

* * *

В спальне у воров тихо играло радио. Джаз. По идее, он должен был способствовать расслаблению. Но Ира, напротив, напрягалась всё больше и больше. Окончательно она вышла из себя, когда Миша залез в постель с тарелкой, поставил ее себе на колени и начал есть. Точнее, чавкать. На всю комнату.

– Какое у нас будущее? – спросила Ира.

– Светлое, – сказал Миша спокойно.

– Я просила тебя не есть в кровати!

– Я в последний раз.

– Что нас ждет? – сказала Ира. – До пенсии вот так бегать будем?

– Блин! – сказал Миша. – Я котлету уронил.

– А если тебя поймают? – говорила Ира. – Меня не будет, а тебя поймают? Если я останусь? Одна? С этой ногой драмой? Что со мной будет?

– Ир, я – спортсмен. Нет у меня воображения. Не мучай меня.

– Всё плохо! – сказала Ира драматическим голосом. – Нас ничего не связывает вообще.

Миша внимательно посмотрел на Иру, отложил тарелку с недоеденной котлетой, вытер рот рукой и сказал:

– Ладно. Выходи за меня.

Ира от возмущения даже взвизгнула:

– Заткнись! С этим не шутят, Мишенька. Может, у тебя в Тушино шутят, а у нас на Арбате – нет!

– Я не шучу. Дернем что-нибудь ценное – я тебе кольцо куплю.

– Всё, я спать.

Ира легла и демонстративно отвернулась к стене. Долго устраивалась, но всё это попой к Мише. Скрипела кровать.

– Ир, я два куплю. Кольца, – сказал Миша за ее спиной. –

Тебе и мне. Ир...

Ира заплакала. Тихо, как в детстве. Миша подумал и положил ей руку на плечо. Гладил нежно, неуверенно.

* * *

Очередь претенденток двигалась медленно. Сидели мы долго. Кое-кто из моделей даже заснул. Понятное дело, красиво заснул. Было одиннадцать вечера, когда до меня дошла очередь. Появился дядя с внешностью Колчака, в дорогом костюме и с розовым галстуком. Он сказал:

– Дайте мне ваш смартфон.

– Это что-то новое, – говорю. – А если не дам?

– Пойдете домой, – сказал дядя.

Короче, смартфон я отдала. Дядя развернулся на каблуках и бодро зашагал по коридору. Остановился и сказал не обращиваясь командным голосом:

– А что вы сидите? Вам отдельное приглашение нужно?

Пошли по коридору вместе. Судя по всему, в этом здании попытались восстановить бывшую купеческую роскошь, но получился китайский чайный дом. Беременные амурь смотрели из-под потолка, искренне не понимая, как у такого человека, как я, вообще может быть смартфон.

Вошли в комнату-аппендикс. Адмирал Колчак тут же

уселся на свой личный стул. Я без приглашения села напротив. Дядя катнул по гранитной столешнице ручку, положил листок бумаги.

– Пишите, – сказал.

– Что писать?

Дядя захотел прожечь меня взглядом, но кишка у него тонка.

– Вы в какой области специалист?

– По связям с общественностью.

Дядя не сводил с меня бесцветных глаз:

– Напишите мне правду.

Словно меня в разведчики принимали.

– В смысле, правду? – спрашиваю.

– Ваше первое впечатление! – дядя начал раздражаться.

– Я не понимаю, – сказала я спокойно.

– Об этом месте.

Дядя встал и ушел. А я задумалась. Может ли лживый отзыв помочь получить долгожданную работу? Прислушалась к себе. Решение не пришло. Заурчало в животе от голода. Подумала, я вам напишу! Я вам сейчас напишу!

«Из всех виденных мной на девичьем веку богаделен эта – самая жалкая. Похоже, строителям, которые делали здесь ремонт, выкололи глаза еще до начала работ. За слова “пожалуйста” и “спасибо” местный персонал нещадно штрафуют. Стулья для посетителей закупили в кунсткамере.

Не буду говорить за прекрасных соискательниц, но меня заставили ждать семь часов. За это время я прочитала весь интернет до последнего блога и не смогла добиться ни глотка воды. Всей женской бригадой мы кланяемся в пол за работающий туалет. Пили воду оттуда. Можно сделать поспешный вывод о хозяине этого офиса. Этот человек слишком занят, чтобы думать о людях, или ему на них наплевать. Не могу выбрать, первое или второе. Я слишком занята. Да и мне наплевать, если честно. Из хорошего – бахилы. Цвет морской волны, бесплатные и не порвались при первом же шаге...»

Дописав, я встала, открыла дверь в коридор и громко крикнула:

– Эй! Я всё! Верните мне смартфон! Эй!!!

* * *

И снова сидели воры в машине, собираясь, настраиваясь перед очередным делом. Миша сказал:

– Не надо сейчас за мной ходить. Сразу в подъезд иди или в машине жди.

– Я с тобой не разговариваю, – сказала Ира.

– Значит, будешь здесь ждать?

– Ты никуда не пойдешь. Я передумала. И я не пойду, и ты не пойдешь тоже!

– Ир, не выноси мне мозг сейчас. Мне работать, понимаешь?

– Одного не пушу! Ты один всё напутаешь.

– Что можно напутать при ограблении?! Что?! – зарычал Миша, – Вырвал, побежал! Всё!

Против своего обыкновения, Ира не стала отвечать агрессией на агрессию.

– Ты мог бы работать курьером, – сказала она. – Ты был бы самый быстрый курьер.

– Всё. Надоело, – сказал Миша и открыл дверь машины.

– Стой. Я тебя поцелую.

Миша нагнулся и позволил себя поцеловать.

– Будь осторожнее, – сказала Ира.

– Не-а.

– Дурак! – крикнула она. Но дверь захлопнулась, и Миша ее уже не услышал.

Ира еле дошла до условленного подъезда. С трудом открыла дверь на толстой, дореволюционной пружине. Миша уже ее ждал. Гордый, словно только что в одиночку занял Константинополь.

– Еле доковыляла, – сказала Ира, и тут она увидела сумку. – Ого!

Спортивная, объемная сумка, стоящая на подоконнике, была набита под завязку.

– Как ты ее дотащил?

– Ты спроси, как я ее дернул!

– Как? – спросила Ира.

– Она вообще не кричала! – сказал Миша.

– Кто? – не поняла Ира.

– Цыганка эта. Не побежала за мной, ничего. Это было легко.

– Тяжелая сумка? – спросила Ира, глядя на добычу.

– Очень, – кивнул довольный собой Миша.

– Если цыганка, значит, вещи ворованные.

– Может, золото. Она вся в золоте была.

– Стоп. Давай не говорить раньше времени. Можно сглазить.

Ира подошла к сумке и сказала серьезно:

– С богом!

Миша, как по команде, расстегнул молнию.

Через мгновение тишину подъезда разорвал детский плач.

– Что?! Это?! Такое?! – спросила Ира, губы ее дрожали.

Миша не ответил. Но всё было и так понятно. Миша украл младенца. В сумке был живой ребенок, в шапочке и комбинезоне и в голубом конверте.

Младенец щурился от яркого света, искренне не понимая, почему его разбудили таким варварским способом.

– Сколько ему? – почему-то спросил остолебневший Ми-

ша.

Ира повернулась к нему с желанием убить:

– Откуда?! Я?! Знаю?!!!

* * *

Мой папочка не просто изменился. Он изменился кардинальным образом. Натянув спортивный костюм, он пылесосил или, я могу предположить, специально принял к моему приходу рабочую позу.

– Юлечка, я пылесосу, – крикнул он мне, как только я вошла.

– Я вижу, папа. Более того, я искренне это ценю!

Он порозовел, расправил плечи, ожидая слушать похвалы дальше, но у меня зазвонил мобильный.

– Папа. Выключи пылесос.

Он сразу обиделся, как человек, который работал в первый раз в своей жизни:

– Ну, вот...

Ушел, волоча мертвый пылесос за собой, ухватив тот за гусиную шею.

– Назовите номер вашей карты, – сказал мне голос в трубке.

– Ага, щас, – ответила я весело.

– Ваша карта привязана к телефону? – голос показался мне знакомым. – Так, здесь мне подсказывают, привязана.

Мой телефон звякнул. Голос в трубке продолжил:

– Только что мы перечислили вам компенсацию.

– За что? – спросила я, до конца не понимая, что происходит.

– За ожидание.

– Какое ожидание? – я всё ещё ничего не понимала.

Голос в трубке стал нервным:

– Накануне. Собеседование. Соображайте быстрее!

Это уже начинает раздражать!

И тут я поняла. Они решили заплатить за ожидание у олигарха. Как мило с их стороны.

– Спасибо, – говорю. – Я вспомнила. А остальным?

– Только вам. Возмутились только вы.

На том конце положили трубку. Тут же крутился папочка, картинно перекладывая трубку пылесоса из руки в руку.

А я посмотрела на сумму и офигела порядком. За такие деньги я бы согласилась ждать собеседования каждый день.

И потом, кто-нибудь из вас слышал о том, чтобы у олигархов просыпалась совесть?

* * *

Младенец надрывался, как в последний раз, рыдал, как перед концом света. Заставить замолчать его было невозможно.

Когда из квартир начали выглядывать люди, Миша решил

перенести ребенка в машину.

– Только не в сумке! – закричала Ира.

– Что ж я, дурак что ли? – сказал Миша.

Он в руках перенес ребенка в автомобиль. Закрыв дверь. В салоне сразу не осталось места. Крик заполнил собой всё пространство.

– Он плачет! Плачет! – Ира задыхалась от волнения.

– А то я не вижу! – сказал Миша раздраженно.

– Так сделай что-нибудь!

– Что мне сделать?!

– Я не знаю! – почти прокричала Ира. – Верни его цыганке!

– Ты дура, что ли?! Где я ее найду? – Миша выразительно посмотрел на сожительницу.

– Я не знаю, – Ира выходила из себя. – Мне плевать! Убери его!

– Может, это девочка.

– Мне все равно! – казалось, Ира сейчас взорвется. – Чего она хочет?!

– Она орет. Я не знаю. Ей что-то не нравится.

– Что не нравится?

Лицо ребенка было красным и сморщенным. Слезы стояли в глазах, как в маленьких лужах.

– Знаю, что ей не нравится, – сказал Миша.

– Что? – спросила Ира.

– Ты!

Миша, торопясь, расстегнул кнопки на конверте и комбинезоне. Ребенок продолжал надрываться.

– Опа! – сказал Миша.

– Что там? – Ира вытянула шею.

– Сама посмотри.

– Я не хочу смотреть, – Ира втянула голову, как черепаха. – Ты мне так скажи.

– Ну, во-первых, это мальчик, – сказал Миша с чувством превосходства. – А во-вторых...

– Что? Ну что там?

– Мальчик обкакался, – сказал Миша торжественно.

– Точно, – кивнула Ира. – До меня дошел запах. Буэээ. Ты сделаешь что-нибудь?

– Не, – сказал Миша. – Это женское дело.

– Ну, нет! – Ира умудрилась в тесном салоне автомобиля упереться руками в бока. – Убираться – женское дело! Извращенный секс – женское дело, ясно! А чужой ребенок – это вообще не женское дело!!!

Миша выразительно посмотрел на Иру:

– Ты можешь успокоиться?

Детский крик вынимал душу.

– Не могу. Я не могу успокоиться. Не буду. У меня нога!

Миша откинулся на водительском кресле и сказал:

– Тогда он будет орать.

В окно машины постучали. Ира и Миша повернулись на стук одновременно и одновременно похолодели.

– Менты! – сказала Ира тихо. – Нам конец!

Полицейский постучал в окно еще раз. Младенец затих, словно осознал создавшуюся ситуацию.

А вот Ира от страха принялась скулить. Тоненько, как новая собака в питомнике.

– Откройте дверь, – сказал глухим голосом полицейский за стеклом.

– Давай, уезжай, уезжай! – зашипела Ира Мише.

– Куда я поеду?! – Миша говорил, стараясь не двигать губами. – Машина его перед нами стоит!

Ира откинулась в кресле и закрыла глаза:

– Тогда открывай. Я не знаю, что делать. Нас посадят.

Полицейский снова постучал в дверь.

– Откройте, пожалуйста! – сказал он.

«Козел», – подумал Миша и открыл дверь. В салоне стало слышно улицу. Полицейский козырнул, пригнувшись:

– Здравствуйте. Старший сержант Власов. Ваши документы.

Краденый ребенок подал голос. Словно ответил, что документов у него нет.

– Здравствуйте, – сказал Миша полицейскому. – Секунду.

Открыл бардачок:

– Вот.

Полицейский пролистал паспорт, взглянул на права.

– Почему здесь остановились?

Миша собирался ответить менту, но краденый младенец вдруг взорвался криком, и это сбило Мишу с мысли. Он промычал что-то невнятное. Но Ира спасла положение:

– Нам нужно было переодеть ребенка.

Полицейский посмотрел на младенца в сумке. К счастью в полумраке салона сумку можно было принять за переноску.

– Ребенка? – переспросил полицейский с подозрением.

– Да, – включился Миша. – Наш ребенок. Общий. Наш сын. Кирилл.

– Кирилл Михайлович, – сказала Ира.

– В паспорте у вас ребенок не вписан, – сказал полицейский.

– Пока не вписан, – ответила Ира за Мишу. – Не успели еще.

– В отделении была очередь, – подхватил Миша.

– Сейчас это делается в службе одного окна, – сказал полицейский, не отдавая документы.

– Точно, – сказала Ира. – Туда не дошли еще. Да, Миш?

– Да, – сказал Миша.

Младенец в сумке закашлялся от крика.

– Прикройте его, – неожиданно сказал полицейский, – Простудится.

– Да, конечно, – кивнул Миша.

– И еще... – начал тот.

– Что? – спросила Ира испуганно.

– Здесь стоянка запрещена, – сказал полицейский, вернул Мише документы и, закрыв дверь автомобиля, исчез из их жизни.

– Уезжаем! – зашипела Ира. – Быстрее! Быстрее!

Миша нажал на газ.

– Мог номер запомнить, – сказал Миша, выкручивая руль. – Надо машину на стоянку отогнать.

* * *

Меня позвали во дворец олигарха Филимонова во второй раз. Я шла и понимала, что я лучше всех. Просто так не позвали бы. В этот раз приняли гораздо лучше. Сочинение мое подействовало. Дядя с внешностью Колчака побежал за чаем. И главное, мне разрешили не надевать бахилы. Уселась в кабинете Шальная Императрица, осмотрелась.

Когда Колчак вернулся с заварочным чайником и двумя чашками, я спросила:

– Какие интересные шахматы. Это слоновая кость?

– Нет, – сказал дядя. – Человеческая.

Он вообще был не самым приятным собеседником. Я надеялась, что с олигархом Филимоновым общаться будет проще. Дядя тем временем сказал:

– Всё приходится делать самому.

– Вы случайно не в курсе, меня берут на работу?

– С чего вы взяли? – спросил дядя.

– Иначе бы меня сюда не позвали.

Дядя пристально посмотрел на меня и придвинул стул ближе.

– Так, – сказал он. – Вы замужем?

– Нет.

И тут дядя начал наглеть:

– Мог бы и не спрашивать. Вы девушка некрасивая, в общении малопрятная. Вряд ли у вас кто-то есть. Значит, работе будете отдаваться на все сто. Правильно я понимаю?

– Хамить не надо.

– Сама дура.

Мне это надоело. Я оглянулась на дверь:

– А можно поговорить непосредственно с работодателем?

– Можно, – сказал дядя и не двинулся с места. Прошла тяжелая минута.

– Он придет?

– Кто?

– Филимонов.

– Он уже здесь.

Я отказывалась в это верить:

– Вы не Филимонов. Я видела фотографию в интернете.

– Такая большая, а интернету верит, – хмыкнул дядя.

Тут я, признаюсь, немного потеряла лицо:

– То есть вы... Но...

– Что?

– Вы просто сами встретили. Сами – чай...

Филимонов пожал плечами:

– Хожу в народ. Как Толстой. Что смущает?

– Ничего. Извините меня, что я...

– Еще раз извинишься – вылетишь как пробка! Ясно?!

– Ясно.

– Теперь твои обязанности, – Филимонов хрустнул костяшками пальцев и устроился в кресле удобнее. – Будешь отвечать за мой светлый образ в СМИ и Сети.

– Моя задача сделать его еще светлее?

– Ты должна сделать, чтобы меня все ненавидели.

Я удивилась:

– Что?

– Еще раз переспросишь – вылетишь как пробка! – снова сказал олигарх Филимонов.

* * *

Ира сидела одна и смотрела, как уставший младенец сучит маленькими красными кулачками с зажатými большими пальцами. Ребенок всё еще плакал, но видно было, что он, бедный, устал, почти надорвался. Плач вырывался всплесками, через большие паузы.

Ира была в отчаянии. Уже даже фонарик на телефоне,

на который он первое время отвлекался, не помогал.

Ира заговорила с младенцем, как со сверстником:

– Ну, что ты хочешь? Что ты как дурак? Да перестань уже!

Ну, слушать это невозможно! Я прошу тебя...

Ребенок уже хрипел, как Высоцкий. Ире было жалко его, но еще сильнее было жалко себя.

– Замолчи! Сейчас придет Миша. Ты понимаешь? Сейчас вернется, и всё будет. Да хватит уже!!!

Последнюю фразу Ира прокричала в сердцах. Ребенок, удивившись, замолк, но после начал плакать с новой силой.

Хрипота прошла, и прорезался у младенца поразительной звонкости голос. Ира вспомнила рассказ Чехова «Спать хочется».

Хлопнула дверь. Миша принес с собой покупки в пакете мутного целлофана.

– Ребенок краденый, – сказала ему Ира.

– Я знаю, – сказал Миша. – Я сам его украл.

– Нет. Он уже краденый был, когда ты его украл.

Миша посмотрел на свою подругу с осуждением:

– Потому что он у цыганки был? Ты из этого такой вывод сделала? Так это расизм.

– В сумке закрытой он был, – сказала Ира. – Конечно, краденый.

– Я против расизма. Вот памперсы купил, – Миша зашуршал пакетом, показал новую упаковку. – Надо переодеть.

Миша достал пачку подгузников.

– Я не буду, – скривилась Ира. – Меня вырвет.

– А тебе самой поменять памперсы не надо? – спросил Миша.

– Да пошел ты!

– Тихо ты! Нельзя ругаться при ребенке!

Мальчик плакал, но уже негромко. Устал. Огромные, мокрые от слез глаза смотрели в потолок. Глаза были разного цвета. Один голубой, другой карий.

– Иди сюда, Кирюха, – сказал Миша громко. – Будем трусы тебе менять.

– Почему Кирилл сразу? – возмутилась Ира. – Это не точно еще.

– Как назвали, так назвали, – сказал Миша, расстегивая липучки старого подгузника.

– Он на Антона больше похож. – Ира с фальшивой улыбкой потянулась к младенцу: – Антоша!

– Убери руки немытые от Кирилла! – сказал Миша резко.

Ира отдернула руку, посмотрела на сожителя с обидой. Тот не заметил Ириного взгляда, отогнул край старого подгузника и присвистнул:

– Опа! Еще больше навалил. Салфетки там были где-то.

– Они для смартфона.

– Давай. Деваться некуда.

Ира зажала нос, потянулась за салфетками и передала их Мише. У того защипало глаза, и тошнота накатила тяжелой волной.

– Господи, я не могу! – выдохнул Миша.

– Ладно. Уйди оттуда! – сказала Ира раздраженно.

Они снова поменялись местами. В голосе Иры появились незнакомые нотки. Словно в ней заговорила бабушка по материнской линии:

– Всё сама! Ну всё сама! Пакет дай сюда – грязное складывать!

Делала Ира всё крайне неумело. Брала младенца за ногу двумя пальцами, испачкала себе руку, при этом старалась быть ласковой, и тоже неумело.

– Потерпи, Антоша, – говорила она, безбожно сюсюкая, – потерпи, дорогой.

– Кирилл, – поправил Миша.

– Молчи, слабак, – сказала она Мише, достала салфетки, сразу несколько штук. – Вот, сейчас всё-всё вытрем, – сказала она младенцу ласково и потом повернулась к Мише: – Памперс давай.

– Вот.

– Они огромные! – сказала Ира. – Ты на себя подгузники купил?

– Откуда я знал, какого он размера, – Миша обиделся.

– На телефон бы его сфотографировал.

– Ага, – кивнул Миша. – Ворованного ребенка. И продавщице бы показал.

– Не мы первые его украли! – сказала Ира со значением.

– Это, конечно, меняет дело.

Вопреки их ожиданиям, младенец в чистом подгузнике плакать не перестал. Он теперь делал это не так громко, хныкал, не переставая.

– Теперь-то он чем недоволен? – спросила Ира, принявшись.

– Он есть хочет, – сказал Миша торжественно. – Но я и это предусмотрел!

– Ага, и купил ему орешков!

– Фруктовое пюре, – сказал Миша.

Ира внимательно посмотрела на младенца:

– Такого грудью кормят, скорее всего.

– Ну и чего ты ждешь?

– Ты дурак совсем?! Давай пюре.

Миша передал Ире пюре. Ира свернула с тюбика колпачок. Миша взял младенца на руки.

– В следующий раз надо смесь купить. Давай, Антон, покажи себя! – сказала Ира.

– Да, Кирилл, – сказал Миша. – Пора переходить на нормальное питание.

Младенец удивленно посмотрел на тюбик, притянул ру-

ками его ко рту и с аппетитом зачмокал. Ира и Миша одновременно улыбнулись.

– Ест, смотри, ест! – сказал Миша радостно.

– Ты бы тоже ел. Голодный совсем. Выдавливай понемножку, а то подавится.

– Сколько все-таки ему лет, интересно?

– Лет? Дурак, что ли? Года нет, – сказала Ира уверенно, а после подумала и добавила: – Или год.

Миша с улыбкой смотрел на ребенка:

– Ему год, скорее всего. А нам знаешь, сколько дадут? За похищение человека?

– Сколько? – спросила Ира, продолжая кормление.

С этой статьей воры еще не сталкивались. Уголовный кодекс Российской Федерации, статья 126. Похищение человека, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего группой лиц по предварительному сговору, наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

Вторая глава

Пообедав, а может, даже поужинав, краденый мальчик начал говорить на своем языке. Так говорят уличные голуби, когда они в хорошем настроении.

Миша, глядя на пацана, улыбался:

– Он так разговаривает! Смотри, Ир.

– Может, выпьем в честь этого? – сказала подельница раздраженно.

– А чего, давай.

– Ты чего, идиот?!

– Обзывать не надо. Я этого не люблю, – ничто не могло сбить Мишин благостный настрой. – Гляди, палец взял! Держит! Ир, чего ты на меня так смотришь? Я руки помыл.

Младенец сосал Мишин палец, но Ира насильно вынула палец у ребенка изо рта.

– А когда за тобой придут, ты им что скажешь? Смотрите, у меня руки чистые!

– Ну, придут не только за мной, – Миша вытер мокрый палец о штаны.

– А вот сейчас легче сразу стало, – сказала Ира. – Спасибо тебе от всего сердца!

Миша не ответил. Помолчали. Малыш гулил, а после начал тихо щелкать языком.

– Мы можем отдать его в детский дом, – сказал Миша, подумав.

– А может, сразу на органы?

– Ты дура, что ли?! – Миша был по-настоящему возмущен. – Совсем?

– Видимо, да. Раз с тобой связалась.

– Да ты сама его вернуть цыганке предлагала!

– Я была в состоянии эффекта, – сказала Ира.

– Аффекта, – поправил ее Миша.

– Да, вот я в нем была, представь себе.

Теперь она любовалась младенцем. Пухлые щечки, да такие нежные, как пирожные в «Волконском».

– Это нормальное твое состояние, – сказал Миша. – Быть не в себе! – Он словно задался целью вывести Иру из себя. И он этого добился.

– Ты – тупой спортсмен! – сказала Ира.

Он кивнул:

– Ес, ай эм.

– Я просто жалею, что потратила на тебя лучшие годы! Жалею, что выбрала тебя!..

Увлеченные обычным для них разговором, Ира и Миша не заметили, что ребенок перестал гулить.

– ...Выбрала? – продолжал разоряться Миша. – Ты меня выбрала?! Да ты пыталась стащить у меня бумажник!

– Это не важно, – сказала Ира. Она не любила говорить о прошлом.

– А я тебя поймал! – Миша ясно помнил, какой у нее был в тот момент испуганный вид.

– Я просто не захотела уходить.

– Я тебя крепко держал.

– Я поддалась специально, – Ира не собиралась сдаваться.

Но Миша уже превратился в мачо-засранца, поняв, что уровень накала подходящий.

– В тот раз ты звала на помощь, – сказал он тоном ниже.

– Не помню такого вообще, – Ира облизнула губы, подхватив игру.

– Напомнить тебе? – и он наклонился над Ирой. Поцеловал ее долгим поцелуем.

– Раньше ты целовался лучше, – сказала Ира, когда он позволил ей вздохнуть.

– Была большая практика, – улыбнулся Миша. – До тебя.

– Да кому ты был нужен!

– Тихо! – сказал Миша.

Ира возмутилась:

– Почему это?

– Смотри, Кирилл какой-то красный стал.

– Антон?

– Кирилл!

Ира посмотрела на малыша и сильно изменилась в лице. Весь красный, напряженный, ребенок дергал ручками и ды-

шал через раз.

– Господи!

– Он задыхается!

– Звони в скорую! – крикнула Ира. – Миша! Срочно! Срочно!..

* * *

Кто спит стоя? Слоны. Возможно, лошади. Надо посмотреть в Википедии. Стоя спят киты – видела ролик. Но они это делают в воде. Воды вокруг меня не было. Был враждебный офис. «Враждебный офис» – название сериала на «Нетфликсе». Тут тебе всё: и коллеги, которые тебя не замечают, и ксерокс в пятнах крови, и отравленная вода в кулере. Это я сейчас фантазирую. Вода была вполне себе. Коллеги были сдержанны, молчаливы, вежливы. И ксерокс чистый. Но не было мне места «где голову приклонить». Шаталась я по офису олигарха Филимонова, как зомби. Иногда заходила в кабинеты, спрашивала разрешения посидеть немного. Чтобы с людьми хоть побыть.

«У нас здесь сейчас будет встреча», говорили мне. И я вставала, извинялась и тащила свою тоскливую задницу дальше. Бродила по коридорам, как тень отца Гамлета.

Познакомилась с Генычем, правой рукой олигарха Филимонова. Геныч был человек, который дважды повторял осо-

бенно важные слова. При первой встрече он мне сказал:

– Очень рад тебя здесь видеть. Очень рад!

– А можно мне встретиться с Александром Александровичем? – спрашиваю.

– Записаться к нему на прием хочешь?

– Хочу.

– Посмотрим, – сказал Геныч и торжественно достал планшет палеозойского периода, потыкал в него пальцем, который более был приспособлен нажимать на курок. При этом Геныч жевал ус. – Посмотрим свободное время. Посмотрим. Есть! Суббота, двадцать седьмое.

Я ужаснулась:

– Через две недели?!

Но Геныч меня поправил:

– Тринадцать дней, – и повторил: – Да, тринадцать.

Попробовала ему объяснить:

– Понимаете, в чем дело... – начала я.

– В чем?

– Я просто не знаю, что мне делать. В смысле, как мне эти дни провести?

– С пользой провести. С пользой, – сказал Геныч и ушел.

Так я стала офисным призраком. Юлька – унылый дух безделья. Меня перестали замечать вовсе. Мне перестали отвечать. Через три дня я выпила из бутылочки принесенный с собой йогурт и сказала:

– Ау, есть здесь кто-нибудь?

Сказала в пустую бутылку! Я сходила с ума.

* * *

Врач, невысокий и очень серьезный, собирал свою сумку, похожую на футляр от аккордеона. Аккуратно разобрал на две половинки шприц, предварительно закрыв иголку колпачком, положил в маленький пакетик, протянул его Ире:

– Вот. Выбросьте, пожалуйста.

– Хорошо, – сказала Ира, принимая осторожно пакетик.

– Вколол ему дексаметазон, – сказал врач. – Хорошо, что мальчик заснул. Проснется – покормите. Но ни в коем случае не фруктовым пюре. Ребенок у вас аллергик. Рекомендую вам записаться на прием к аллергологу. И не вводить пока новых продуктов.

– Спасибо вам, доктор, – сказал Миша, стоявший тут же, и тяжело вздохнул. Ему было стыдно. Это он купил фруктовое пюре.

Врач закрыл сумку, застегнул, потом расстегнул ее снова:

– Можно полис ребенка?

И установилась в квартире тишина. И посмотрели Ира и Миша друг на друга не сговариваясь. И конечно, врач заметил это. Он был очень внимательный.

– Полис был, – сказала Ира, улыбаясь одними губами. – Но его сейчас нет... Потеряли.

Врач сел в коридоре, положил на колени сумку-футляр. В руке у него появилась ручка, словно из рукава достал. После начал он заполнять форму, углубившись в это занятие. Делал он каждое дело на сто двадцать процентов, полностью сосредотачивался на нем.

– Плохо, что потеряли, – сказал он, не поднимая головы. – Как зовут ребенка?

Тут воры сделали еще одну ошибку. Ответили одновременно. Миша сказал «Кирилл», а Ира назвала младенца Антоном.

– Ему шесть месяцев, – зачем-то добавил Миша.

Врач перестал писать.

– Так Кирилл или Антон?

– Доктор, – начала Ира. – Мы с Михаилом...

Врач удивился еще больше:

– С Михаилом?

– Это мое имя, – отозвался Миша.

– Да, – сказал Ира. – И он мой муж. Мы с мужем Михаилом с самого начала хотели назвать ребенка по-разному.

– И назвали! – поддакнул Миша, не подумав.

Врач отложил ручку:

– В смысле, назвали? Двумя именами?

– Нет. Ванечкой, – сказала Ира быстро.

Теперь уже удивился Миша:

– Ванечкой?

Врач сцепил руки над сумкой и переводил взгляд с Миши на Иру, как следователь:

– Так, это еще одно имя?

– Нет-нет, – замахала Ира руками. – Оно окончательное.

– Да, последнее, – сказал Миша.

– Чтобы нам с мужем не ссориться, – подхватила Ира. – Мы назвали ребенка Ванечкой.

– Да. Так в документах, – продолжил Миша. Теперь они снова ввали вместе, как профессионалы.

Врач снова взял ручку:

– Можно, кстати, свидетельство о рождении?

– Свидетельства, к сожалению, тоже нет, – сказала Ира.

А Миша в стороне сделал грустное лицо.

– Тоже потеряли? – сказал врач.

Ира мелко-мелко закивала, а Миша ответил:

– Все документы бабушка увезла. Случайно.

– Да, – Ира показала на Мишу. – Его теща. Моя мама родная. Она, как клептоманка, знаете? Всё хватает, и папку с документами тоже схватила.

– Понятно. Сколько Ване месяцев? – спросил врач.

– Семь, – сказала Ира.

– Говорили шесть до этого, – напомнил доктор.

Ира широко распахнула глаза:

– Разве?

– У меня хорошая память. Ваш муж сказал.

В разговоре наступила пауза. «Сука, – подумал Миша про врача. И еще подумал: – Воровать легче».

– Да, – выдавила из себя Ира. – Ему шесть, но...

Она просто не знала, что сказать дальше. Может быть, в первый раз в жизни. Вид беззащитного младенца лишал ее сил. Но Миша спас ситуацию.

– Ему шесть и две недели. То есть почти семь. Тут с какой стороны посмотреть, понимаете?

Прозвучало это неубедительно. И вообще всё это походило на плохой театр, артисты которого играли пьесу, текст которой прочитали в первый раз только перед выходом на сцену.

Врач дописал что-то на одной бумаге, поменял листы и снова начал писать.

– Повторяю, – сказал он, поднимаясь, – у вашего Ванечки аллергия. Запомните, фруктовое пюре отменяется. Только смеси.

– Я запрещаю мужу его покупать, – сказала Ира.

Ее охватила такая слабость, что была бы ее воля, она улеглась бы спать прямо на полу.

Врач полез в карман и вытащил визитку:

– Вот моя карточка, пришлите мне на этот адрес скан полиса и свидетельство о рождении. Когда бабушка... ваша мама вернется.

Ира некрепкой рукой приняла визитку:

– Пришлем обязательно. Спасибо вам, доктор.

Врач повернулся, уже дошел до входной двери, но возле нее остановился, чтобы высказаться еще:

– Я понимаю, вы – молодые родители. У вас, может быть, другое на уме. Но я вас очень прошу: будьте внимательнее. Вы несете ответственность за эту жизнь. Извините за пафос.

Врач открыл дверь, неожиданно легко справившись с замком, и вышел.

Ира повернулась к Мише и зашипела как змея:

– Ты видел, как он на нас смотрел?

– Как?

– С подозрением, вот как! Мы путались! Выкручивались!

Он обо всем догадался.

– Да ему плевать. Нет, спасибо ему, конечно. Помог. Но он – доктор. Это его профессия.

Миша положил руку Ире на плечо, но та руку немедленно скинула.

– Он настучит.

– Да перестань.

– Настучит точно!

– Спорим – нет? – Миша улыбнулся. – Спорим на секс?

– Ты просто клинический идиот!

– Ага, – кивнул Миша. – А ты живешь с идиотом.

– Вынуждена жить, – сказала она. – Из-за ребенка.

И тут же заплакал младенец. Горько и громко.

– Видишь, – сказал Миша, – ты Ванечку сейчас своими словами обидела!

* * *

Я – девушка не наглая и не храбрая. Меня сложно вывести из себя. Но, видит бог, я долго терпела, прежде чем пойти на хитрость. Если меня не пускают к Филимонову, я провусь к нему без разрешения. И не через тринадцать дней! А сегодня! Сейчас! Я решила зайти в его кабинет, словно по ошибке. Выгонят – нестрашно. Зато напомню о себе.

Подходя к кабинету, живо себе представила, как я открываю дверь. А там за мраморным столом сидят Филимонов, Илон Маск, Билл Гейтс и российский министр экономического развития. В глубоком шоке я останавливаюсь на пороге, и Маск глубоким баритоном произносит:

– Good day, lady! What are you doing here?¹

А я ему такая на чистом английском, без акцента:

– Я, Илон, здесь работаю. В отличие от вас.

И тут Илон Маск делает такое лицо, словно все его спутники разом упали с неба на землю.

---

¹ Здравствуйте, леди! Что вы здесь делаете? (англ.)

Открыв дверь в кабинет, я не увидела никого и ничего, кроме затылка олигарха Филимонова, который сидел в кресле ко мне спиной.

Лицом он обратился к высокому окну, разглядывая, судя по всему, кирпичные башни Кремля. Я потопталась на пороге, как Конек-горбунок, и шагнула в кабинет.

– Александр Александрович... Можно войти?

Олигарх Филимонов не ответил. Я повторила:

– Александр Александрович...

Во второй раз мне не ответили тоже. Обойдя кресло, я увидела, что олигарх Филимонов смотрит на Кремль не мигая. Смесь удивления, испуга и ненависти была в этом взгляде.

– Александр Александрович... – сказала я в третий раз.

Олигарх неожиданно дернулся всем телом и заморгал, зашевелился.

– А? Что? Ты что здесь делаешь?!

– Вы спали? – говорю.

– Ненавижу, когда меня будят.

– Я не знала... У вас просто глаза были открыты.

– И? – Филимонов смотрел на меня не мигая. В этот раз смотрел, не спал. И от его пронзительного взгляда у меня начали завиваться волосы на затылке. Я промямлила:

– Ничего... Спали с открытыми глазами. Я всё поняла...

Извините. Я пойду. Спасибо... До свидания.

Короче, Гарун бежал быстрее лани. Пулей вылетела

и дверь за собой аккуратно затворила. А чувство такое осталось, словно чужую тайну узнала, какую и не следовало вообще знать.

Юля, Юлия, дева жестоковейшая! Ты хочешь всё испортить? В тот момент, когда у тебя только начала налаживаться жизнь? Когда ты нашла наконец приличную работенку? Когда отец, притворявшийся больным, встал с кровати? Когда он каждое утро нарезает тебе кривые бутерброды?

«Они не кривые!» – сказал отец у меня в голове.

Юля, Юля, Юлия, ты хочешь всё разрушить только из-за того, что не можешь подождать жалкие две недели?

«Тринадцать дней», – сказал у меня в голове усатый Геныч, и последнее его слово несколько раз повторило эхо.

Юля, Юля, Юля. Тем более тринадцать дней! Всего тринадцать! Потерпеть не в силах? Ты что, дура неразумная?!

* * *

Когда Ира вернулась из аптеки, Миши дома не было. Она один раз позвала, а после, не разуваясь, вошла в комнату.

Ванечка спал на кровати, обложенный со всех сторон подушками, чтобы не упал. Вид у него был очень довольный. Он улыбался, глазки непрерывно двигались под тонкими веками.

Самое прекрасное будет, когда он проснется. Ира это живо представила. Откроет глаза, увидит ее и улыбнется еще шире, потянется к ней ручками и сделает губами вот так.

Ира сложила губы в полутрубочку, а после сама улыбнулась от ожидания и неожиданного счастья.

В этот момент хлопнула входная дверь, и от улыбки на лице Иры не осталась и следа. Миша, тихо ступая, вошел в комнату.

– О, ты уже вернулась? – сказал он.

Если бы не ребенок, она бы немедленно разоралась:

– Ты ушел и оставил Ванечку одного! – сказала она тихо, но с таким напором, что Миша остановился, словно наткнулся на невидимую стену.

– Да он спал. Я на пять минут! – прошептал Миша.

– Хватит орать. Разбудишь! – обвинение и манипуляция одновременно, Ира это умела. – Пошли на кухню.

На кухне Миша осмелел, расправил плечи:

– Да в чем проблема, я не понимаю?

Ира буквально проткнула сожителя взглядом:

– А если он задохнется? Опять! Как в прошлый раз!

– Да перестань, почему? С чего? Нормально всё сейчас. Тыковку ест, водичку пьет. И щеки не красные.

– А если он задохнется от собственной рвоты? – сказала Ира.

Миша улыбнулся:

– Как Бон Скотт из «Иси Диски»?

Била Ира Мишу редко. В исключительных случаях. А тут он даже сообразить ничего не успел, как получил сильную, глухую пощечину.

Миша схватился за щеку:

– Ай. Ты чего?

– Ничего! Я тебе покажу, Бон Скотт!

Ира нанесла еще несколько быстрых и несильных ударов по корпусу.

– Больно! – сказал Миша.

– Это я еще разминаюсь! – она тяжело дышала. Но скорее не от физической нагрузки, от возмущения.

– Устала? – спросил Миша с сочувствием.

– Да, – ответила Ира.

– Иди ко мне, я тебя обниму.

– Не пойду.

Тогда Миша сам сделал несколько шагов и обнял Иру. В его руках она начала тихо плакать.

– Я так боюсь за него, – говорила она, всхлипывая. – Каждый день. Каждую ночь!

– Ты просто устала, – он поцеловал ее в мокрую щеку.

– Нет! Не просто, – Ира выбралась из объятий. – А очень. Я очень устала.

– Ну, если так, – начал Миша. – Мы можем...

– Чтобы в детдом его? Никогда!

– Да я этого не говорил. Только не бей!

– Я знаю, что ты хочешь от него избавиться!

Миша крепче прижал ее к себе.

– И не обнимай меня! – Ира отступила назад.

Мише всё это надоело.

– Ладно, – сказал он. – Пойду Ванечку разбужу. Пора уже.

– Не трогай его! Моя очередь его будить! – сказала Ира твердо. – Моя!

Это было невероятное удовольствие целовать Ванечку в теплую щечку и видеть, как глаза его раскрываются, словно бутоны, и как он быстро находит тебя сонным еще взглядом и сразу улыбается, расцветает улыбкой, начинает сиять, как будто внутри него включили свет, и тянется к тебе ручками, пытаясь обнять.

* * *

Я спала без снов. Точно водолаз висела в воде над темной впадиной, думая, опускаться мне ниже или нет.

Сквозь сон слышала папин голос:

– Юлечка. Юлечка, вставай! Юлечка!

Надо сказать, что я ненавижу, когда на меня смотрят во сне. Пришлось открыть глаза.

– На работу пора, – сказал папа. – Опоздаешь.

– Я спала с открытыми глазами?

– Нет. С закрытыми. Ты спала, как ангел.

– Пап, только не начинай, – ответила я и сбросила с себя одеяло.

Когда живешь в одной квартире с отцом, приходится спать в пижаме. Я это ненавижу. Хотелось бы спать голой, как мать-покойница говорила, «чтобы тело дышало», но это, наверное, в другой жизни.

Отец каждое утро будил меня, кормил, провожал на работу. И всё это под треск радиоточки, последней в городе Москве. С полупоклоном он протягивал мне сверток с бутербродами. Смотрел, как я надеваю пальто.

– Ты такая худенькая. Ножки тоненькие, – говорил он мне.

– Пап, ножки у меня как два ливанских кедра!

Но он упрямился:

– Ты худенькая.

Я с ним не спорила. Ведь в кого он превратился с того памятного дня. Моя большая еврейская папа!

Я решила ждать терпеливо, не дергаясь. Привыкла к шуму офиса, слушала, как булькает вода в кулере. По этому звуку научилась не глядя определять, сколько в нем осталось воды.

Амуры под потолком в офисе, даже они перестали смотреть на меня. Я и моя бледная тень чаще всего зависали в переговорной с кофемашиной. Сидела с прямой спиной, до-

полнение к стулу, блуждала в интернете до опупения. И однажды при мне с верхней полки шкафа упала целая стопка жестких папок с договорами.

Прямо у меня за спиной. Ни с того ни с сего. Разом несколько увесистых папок, а следом договоры – водопадом. Я так испугалась, чуть пароль от смартфона не забыла.

На полу небольшой курган из писчей бумаги, а я думаю, что за мистика?! Решили сами свалиться? Почему? Это какой-то знак! Думала, что за знак? Ничего не придумала и стала собирать бумаги с пола. Заодно и привела почти весь шкаф в порядок. Но когда пыталась открыть застекленную его часть, в переговорную вошел энергичный Геныч.

– Что ты делаешь? – спросил он с порога. С подозрением спросил.

– Да вот. Документы упали. Я всё по местам расставила.

– Это правильно. Очень правильно, – повторил Геныч. – Но только зачем сидеть в тех местах, где документы в полном порядке находятся? Ты ведь шкаф стулом задела.

– Я... как-то автоматически, – ответила я и подумала: как он понял?

– Автоматически не надо, – сказал Геныч, – Надо вдумчиво. Вдумчиво надо.

После бессмысленного наставления я вдруг поняла, что за мной следили. Всё это время! И сейчас следят! Медленно подняла взгляд к потолку. Вот тебе и амурсы. Камера

в каждом глазу!

А я вела себя с ними так неуважительно.

* * *

Дело было перед сном. Ира сидела со смартфоном. Миша подсел рядом и начал расстегивать пуговицы на ее кофточке одну за другой. Но не быстро, с паузами, как бы случайно. И она в другие моменты этого как бы не заметила бы, но сейчас сказала:

– Не надо.

Миша искренне удивился:

– Почему?

– Вообще секса не хочется, – Ира пожала плечами.

– Это на тебя не похоже, – улыбнулся Миша. И не только улыбнулся. Но Ира демонстративно отсела подальше:

– Руки убери.

– Да что случилось-то?

– Я мать теперь.

Миша усмехнулся, приняв это за шутку:

– Да какая ты мать!

– Временная, – она говорила со всей серьезностью, – а ты отец, между прочим. Временный.

– Никакой я не отец! – Миша встал. – Ни временный, никакой!

– Во-о-от! Пока ты не поймешь, как всё серьезно, секса

не будет.

Говорила она это Мише даже не материнским тоном, а тоном Ангелы Меркель. Миша настолько удивился, что сначала не понял, что ему ответить. Помолчал, а после сказал:

– Seriously?

– Да. Всё очень серьезно, – сказала Ира.

– Нет, я спрашиваю, ты серьезно про секс?

Она кивнула:

– Absolutely.

– А мне и не нужно было ничего, – Миша высоко поднял подбородок.

– Ну и отлично.

– Ну и пожалуйста.

Помолчали, не зная, как выйти из тупика. Потом Миша спросил:

– Заметила у Вани разные глаза?

– Ага. Очень красивый мальчик.

– Отличительный знак, – сказал Миша. – Как у Дэвида Боуи. Правда, он умер уже.

Хлоп. И на щеке у Миши снова появилось красное пятно. Ира дотянулась как-то до его лица, не вставая с кровати.

– Хватит меня уже бить! Взяла моду!

– Я хотела секса, – сказала Ира. – Но сейчас тебе точно не дам!

– Ты что, правда хотела?! – искренне удивился Миша.

– Не скажу. Вот мучайся теперь!

* * *

Мучения мои закончились неожиданно быстро, как обещанный перерыв на тяжелой работе.

Геныч вызвал меня к себе. Хлопотал и лицом и руками, словно был мне чем-то обязан:

– Короче, Юля, Юленька... Да ты присаживайся.

Я села, конечно. Он передвигал что-то за моей спиной, а мне казалось, что Геныч вот-вот хватит меня по затылку тяжелым пресс-папье. Но ничего такого, к счастью, не случилось. Геныч, поставил стул напротив, сел и зашевелил усами, как говорящий таракан:

– Значит так, доставай блокнот, смартфон, что там у тебя, и записывай. Первое задание... – Геныч сделал торжественную паузу. – У Александра Александровича есть дочь! Знаешь про это?

– Нет.

– Записывай. Анна Александровна Филимонова. Место жительства: город-герой Нью-Йорк. Живет в огромных апартаментах. Точка.

Я записала. Подождала. Посмотрела на Геныча, который был вполне доволен собой:

– Чего ждешь? – спросил Геныч.

– Я не поняла. Что я должна сделать?

– Ты кто?

На этот вопрос я смогла бы ответить только после сеанса спа: массаж, пиллинг, обертывания. А так – нет.

– По связям с общественностью? – ответил за меня Геныч. – Вот и свяжись с общественностью и сообщи всем, максимально широко: дочь Филимонова с жиру бесится. Шикует. Одна на королевской жилплощади.

Я не поняла:

– Просто написать, что она живет в Нью-Йорке?

– Не просто, а с завистью.

Никогда в жизни не получала я такого странного ТЗ.

– Это же...

– Что? – насторожился Геныч.

– Это же будет всех раздражать.

Геныч радостно хлопнул себя по ляжкам двумя руками.

– Схватываешь на лету.

– А можно увидеть квартиру? – спросила я, не до конца понимая, что происходит. – Фото есть?

Геныч скривил мину.

– А зачем тебе ее видеть? Что ты, квартир в Нью-Йорке не видела? Напиши, чтобы всем завидно было. Всё. Иди.

И я набросала:

«Трехэтажные апартаменты с видом на Центральный парк поражают своей роскошью и претенциозностью!»

Единственная квартира в столице США, где уместился теннисный корт в натуральную величину. Манговые деревья в зимнем саду дают три урожая в год, и проворные слуги бросают лепестки роз в фонтаны с шампанским. Сама хозяйка – дочь миллиардера Филимонова, по два часа каждое утро проводит в комнате для бюстгальтеров и бра».

После прочтения Геныч какое-то время думал. Если можно назвать мыслительным процессом кряхтение, жевание своих усов и почесывание подмышек.

– Комната для бюстгальтеров? – спросил он, глядя на текст.

– И бра, – подсказала я.

– Неплохо. Неплохо, – он повернулся ко мне. – Веером большую статью. По всем закоулкам!

– Я сделаю, – сказала я. – Только не понимаю зачем?

– Ты в армии служила? – спросил Геныч.

– Нет.

– Жаль, – сказал он. И повторил: – Жаль. Вопросов много задаешь. Слишком много.

* * *

Стоя между седьмым и восьмым этажом Миша пытался кусачками перекусить железный тросик. Кусачки срывались со скользкой пластиковой обмотки.

– Блин, да чтоб тебя! – говорил Миша тихо.

Удивительно, Ира совсем почти отучила его от мата. Сама не ругалась при Ванечке и ему не давала. Миша приоткрылся, ухватил тросик. На восьмом этаже приоткрылась железная дверь. В щели показалось плоское, ненакрашенное лицо.

– Эй... – сказала лицо.

Миша, с его огромным опытом, сразу услышал в оклике неуверенность, даже страх, и вообще не среагировал. Он еще раз нажал на кусачки.

Женщина в квартире набралась смелости, приоткрыла шире дверь и шагнула на лестничную клетку.

– Эй, парень! Я с тобой разговариваю.

Миша на мгновение остановился:

– Чего?

Глядя на него, невозможно было заподозрить что-то плохое. Честнейший Михаил.

– Ты чего делаешь? – спросила женщина, переступив с ноги на ногу.

– Ключ потерял.

Миша кивнул на коляску, как на свою собственность.

– А. Ладно, – сказала женщина с облегчением. Она получила объяснение и убралась обратно в квартиру, затворив за собой дверь.

Обмотка была перекушена. Тросик под пластиком оказался из титана, не иначе.

– Давай! Давай! – говорил Миша тихо.

Открылась всё та же дверь на восьмом этаже. Женщина успела поменять халат, и смелости у нее вместе с халатом прибавилось. Может быть, потому что новый халат был чище.

– Это коляска из двадцатой, я вспомнила, – сказала она.

Кусачки в Мишиной руке делали свое дело. Он кивнул, продолжая перекусывать ими тросик:

– Ага.

Женщина была сбита с толку Мишиной уверенностью.

– Это их коляска! Уходи отсюда! – сказала она неуверенно и так же тихо добавила: – Люди!..

Миша поднажал. Тросик наконец поддался.

– Слава тебе господи! – сказал он на выдохе и начал спускать коляску вниз по лестнице.

– Стоять! – заголосила женщина. – Куда повез! Чужая!

Миша заторопился, колеса коляски прыгали по ступеням, а сама она норовила выскочить у него из рук.

Голос женщины, кричавшей ему вслед, эхом разносился по всему подъезду:

– Люди! Воруют! Люди! Вор!..

Бежал Миша и думал, сколько раз он слышал «вор» себе вслед. Много раз. Очень много раз. Споткнулся Миша на повороте и полетел вместе с коляской вниз по лестнице. В этот момент он вспомнил все проклятия, которые старался не употреблять при Ире и Ванечке.

– Что это? – спросила она, когда он втащил коляску домой. Согнутую при падении ручку смог выправить по дороге, а вот синяк на боку, с ним сделать ничего уже было нельзя.

– Классная, правда?

– Ты украл коляску?

– Не, – сказал Миша, глядя на подругу-воровку ясным взглядом. – Купил, на сайте. Подержанную.

Но Ира знала, о чем говорила:

– Украл!

– Ир...

– Ты никогда ничего не покупал! С чего бы сейчас?! Ты украл? Признайся, украл?!

Миша понял, что ему не отвертеться. Да и врать он не любил. Опустил голову:

– Я...

– Ну? – сказала Ира.

– Ну, украл.

– И это, когда мы с ребенком начинаем новую жизнь?!

Мишу внезапно посетило непривычное чувство. Ему стало стыдно. Зашипело внутри, словно кусок льда положили на раскаленный камень.

– Извини, – сказал он и заставил себя посмотреть Ире в глаза.

Но подруга его широко улыбалась:

– Да ты же молодец! – крикнула она. – Красавчик!

– Правда? – удивился Миша ее реакции.

– Конечно! Взялся за ум! Как взрослый человек! Ответственность почувствовал! Понял сам, что нужна коляска, пошел и украл ее! Вот какой мне мужчина нужен! Не зря я тебя выбрала!

Ира крепко обняла Мишу и даже положила руки ему на попу.

– Там немножко по-другому было... – сказал Миша, разомлев.

– Неважно!

* * *

Статья моя большого ажиотажа не вызвала. С новостного портала ее перепечатали пять новостных и две бумажные газеты. Я честно отчиталась об этом Генычу. Усы его поехали вниз:

– И всё?

– Активно обсуждали в блогах. У меня есть распечатки, – я открыла папку.

Но Геныч деревянной ладонью меня остановил.

– Пойдем-ка, – сказал он.

– Куда еще?

– Шеф зовет.

Как говорила моя подруга в школе: «Тебе кабздец, Юлька». Не понимаю только, как так получилось, что я начала бояться олигарха Филимонова? Это ожидание. Точно!

Так бывает в кабинете у следователя, который вдруг уходит надолго, а подозреваемый к его приходу уже готов сам себя оговорить.

Дошли до филимоновского кабинета, Геныч втолкнул меня:

– Вот, Сан Саныч, привел.

Привел он. Ах ты, Геныч, бывший вертухай!

– Здравствуйте, Александр Александрович, – говорю.

В кабинете сильно пахло ароматическими палочками. Дешевые благовония из Таиланда. Олигарх Филимонов смотрел на меня без выражения, а я вспомнила, что в интернете писали про его роман с балериной. Вряд ли, подумала я. Он ведь и в кровать ложится в костюме.

– Садись, – сказал Филимонов.

Я села.

– Спасибо, – говорю.

– Читай, что пишут.

Я крепко сжала папку:

– Здесь только распечатки нескольких чатов.

– Их и читай.

Углы папки врезались мне в пальцы.

– Вы уверены? – спрашиваю. – Там хейтеры надрываются.

– Читай, говорят, – Филимонов удобно устроился в кресле.

– Ок, – говорю.

Еле прокашлялась и начала:

– «Лысый урод уже срет деньгами». Они думают, что вы лысый.

– Что делает лысый урод? – заинтересованно переспросил олигарх Филимонов.

– Вы слышали, – говорю.

– Дальше, – приказал он.

– «Дочка его пусть...» Я дальше не буду читать.

– Ты почему меня жалеешь?

– Да это просто мазохизм какой-то.

Судя по выражению лица, Филимонов из последних сил терпел мою тупость.

– Нет! Я спрашиваю, ты зачем меня в статье жалеешь? Почему не приложила?

Я что-то проблеяла. А он поругал меня и отпустил.

Зачем он хочет испортить себе репутацию? Чтобы – что? Может быть, это как-то связано с акциями на бирже? Бред. Не скажут же на бирже: плохой олигарх Филимонов! Гадкий! Не продадим ему акции! Мы брокеры, и мы не продадим ему акции! Не продадим, потому что он плохой! Фиг ему! Пошел он подальше!

Ведь если я правильно понимаю, в мире чистогана чем хуже, тем лучше. Другое дело, если бы он просил написать гадости про конкурента.

Одно можно было сказать точно – мой шеф любит пожесть.

Завтра был новый день. И я, как безродная цапля, измеряла коридор окол Кремлевского офиса шагами, представляя, что я охранник Сталина. Вот-вот войдет начальник охраны и дрожащим голосом скажет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.